

Карл Ильич Элиасберг

(воспоминаниями делится сын композитора В.Н. Салманова)

«Это был человек уникальный, для которого понятия чести были обязательным кодексом, не мертвой схемой, знакомой нам лишь по образцам высокой литературы прошлого века... В нем всегда жила гордыня преданности правде вопреки лжи. Поэтому он и играл в осажденном Ленинграде – в силу своего характера. Он считал это нормальным, естественным, иначе и быть не могло. Я уверен, он в этом не видел никакого подвига – просто исполнял свой гражданский и музыкантский долг. А какой это имело резонанс!»¹

Родион Щедрин

Дом творчества композиторов (ДТК) «Сортавала», расположенный на берегу одного из фьёрдов Ладожского озера в Карелии и состоящий из двухэтажно массивного бревенчатого «дачного дома Маннергейма» и полутора десятка разбросанных невдалеке весьма непрезентабельных коттеджей-«творилок». Освещенная августовским солнцем выкошенная полянка, калитка, за ней узкая линейка деревянных мостков ведет нас от дороги к маленькому уютному домику, за которым тонкий слой ольшаника, тростника... и глубокое зеркало Ладоги. Перед ним, у входа на открытую веранду, скамейка, на ней супружеская пара — Надежда Дмитриевна Бронникова (известная в те годы ленинградская пианистка, артистка Дома Радио) и Карл Ильич Элиасберг. Я робко толкаю калитку и вступаю на мостки. Меня, трехлетнего, слегка подталкивает вперед мама, за ней отец — гуськом двигаемся по досочкам мостков к домику, без двух минут пять, мы приглашены на чай. Подходим, Карл Ильич встает и целует маме руку, затем поднимает голову и показывает на нотный стан телеграфных проводов, который усыпан молодыми ласточками.

«Сегодня на редкость мажорный лад!» — говорит он серьезно, и лишь уголки губ и озорные искорки глаз выдают его истинное настроение.

Кто он, Человек, сумевший собрать оркестр в осажденном простуженном Ленинграде и под обстрелом исполнить Седьмую?

Как ни странно, но я познакомился с четой Элиасбергов в 1962 году (в год своего рождения) благодаря моим родителям — они были друзьями. Каждое лето мы ездили в ДТК «Сортавала» и по одному — два месяца проводили там вместе. Карл Ильич, безусловно, был

одним из стержней музыкантско-физической (от слова «физик») братии, отдохавшей в то время в этих местах. Скромный и в то же время требовательный ко всем, аккуратный и пунктуальный и одновременно с этим азартный, «заводной», обладавший тонким и острым чувством юмора, но никогда не обижавший своими хлесткими остротами. Друзья называли его — Тутик, сам он себя — Карлухой, а супругу — Дисклой. Несмотря на особую притягательность и общительность Карла Ильича, круг его общения в «Сортавала» не был широк. Элиасберги часто проводили время с моими родителями, а также с Сергеем Аркадиевичем Векшинским (крупным ученым-физиком) и его женой Лидией Семеновной, с Ниной Ивановной и Виталием Лазаревичем Гинзбургами (четой другого знаменитого академика-физика), Наталией Сергеевной и Алексеем Александровичем Николаевыми (музыкантской семьей).

Пунктуальность. Без десяти минут — девять, два и семь часов на «горушке», из-за леса, появлялась на шоссе чета Элиасбергов. Они шли в столовую. Можно было определять время, чтобы нестись в коттедж переодеться и умыться, и во время предстать перед очами родителей на обеде или ужине. С трех до пяти — отдых и послеобеденный сон, детей просили не шуметь вблизи домика Элиасбергов.

Общение. В девять в столовую входили Элиасберги, и завтрак начинался с шутки, обращенной к кому-нибудь из уже питающихся «сортавальцев». Чаше это были композиторы Л.А. Книппер, С.Н. Чичерина, С. Кац, А.А. Николаев и другие. После завтрака, обеда и ужина неизменный перекур на скамеечках перед главным корпусом и разговоры, со всеми переваривающими сытную сортавальскую кашу, беседы о музыке, творчестве,

¹ Щедрин Р. Музыкант он был прекраснейший // Советская музыка. — М., 1985. — №3. — С. 59–61.

жизни, которые перемежались колкостями и остротами, взрывающие хохотом карельскую тишину.

Юмор. Карл Ильич постоянно что-то придумывал. Начало семидесятых. В продаже в сортавальских магазинах появились ярко желтые футболки с короткими рукавами, отороченные синей каемочкой. Иметь их хочется всем. Машины есть только у двух-трех человек. Инициативная группа собирает заказы, записывает размеры, и делегация женщин едет в город Сортавала закупать товар. По их возвращении Карл Ильич предлагает устроить выставку-продажу футболок на небольшой площади перед главным корпусом. Мама вместе с Надеждой Дмитриевной, Карлом Ильичом и другими разрабатывают подробный план мероприятия. Карл Ильич выполняет роль мажордома при раздаче футболок. Это запомнилось надолго, и был снят любительский фильм.

Аккуратность. Как-то раз мама и Надежда Дмитриевна устроили мне экскурсию в отсутствие Карла Ильича в их домик, который состоял из небольшого помещения — коридора-кухонки с плитой и спальни. Внутри меня поразила музейная чистота, уют и свежесть, безукоризненный порядок. Надежда Дмитриевна, обняв меня за плечи, подвела к письменному столу и сказала: «Вот, Андрюша, учись...» На столе в строгом порядке лежали партитура, линейка, карандаши, очки и т.п. Она приоткрыла ящик стола, и там наряду с предметами, необходимыми музыканту, лежали маленькие инструменты. Дно ящика было выстлано белой бумагой, на которой карандашом было обозначено место каждого предмета.

Отдых. Карл Ильич не был типичным сортавальцем, поскольку не был заражен бациллой собирательства и заготовления ягод, грибов, ужения рыбы. В тоже время он всегда с большим интересом слушал восторженные рассказы-показы других о достижениях на этом поприще. Иногда, после замечал, что некоторые рассказчики достигают в этом больших высот, нежели в профессии. Из всего процесса Карл Ильич больше всего любил, когда собиралась компания друзей вокруг жарки грибов или копчения рыбы. Здесь он был незаменимым собеседником и душой компании. При этом, он всегда сохранял великое благородство. Однако, среди лесных даров у него было одно пристраствие — жареные лисички. Мама и Надежда Дмитриевна иногда часами ходили по лесу в поисках грибов, чтобы доставить ему удоволь-

ствие. Обе очень любили лес и были заядлыми грибниками. Карл Ильич больше любил отдых на Ладожском озере, нежели ходьбу по лесу и подъем на горки. Он мог по несколько часов кататься на лодке по заливу, утром и на закате, Любил поездки в компании на острова. Как и мой отец, он больше любил растворяться в природе, созерцать ее, нежели что-то в ней собирать и вылавливать.

Азарт. Элиасберги, Векшинские (супружеская пара выдающегося академика), мама, а впоследствии и Нина Ивановна Гинзбург, частенько после ужина собирались наверху в главном корпусе или у кого-нибудь в коттедже поиграть в винт — «повинтить»! И здесь, при кажущемся внешнем спокойствии, глаза Карла Ильича сверкали молниями, иногда разражалась гроза. Темная ночь. Дача № 2. Партия с треском проиграна, не задалась игра у его партнера — Надежды Дмитриевны (любимой супруги). Карл Ильич хватается зонтик и выбегает на улицу, по мосткам слышны удаляющиеся шаги. На крылечко выскакивает Надежда Дмитриевна и кричит в темноту: «Тутик, Тутик!...», — растерянно оборачивается и слегка разводит руками: «Он меня бросил!». Утром, без десяти девять, на «горушке» появилась чета Элиасбергов, мирно шествующая на завтрак.

Мастерство. Все знали, что если нужно починить часы, очки, приемник — к Тутику. Карл Ильич любил это занятие и выполнял «заказы» всегда точно в срок. Кроме того, он следил за домиком, мостками, маленьким пирсом под окнами, лодкой, и, если не мог что-то делать сам, то всегда просил местного плотника Якова Степановича пособить ему или починить что-то по хозяйству. Поэтому «домик Элиасбергов» был всегда выкрашен, мостки починены, калитка открывалась без скрипа, а старая большая финская лодка дышала ароматом второй молодости.

Почти 30 лет как его нет, склонился к земле почерневший домик Элиасбергов, и зарос некогда окутанный веселым смехом пирс, на поляне перед скамейкой трава по пояс. Я стою перед остатками калитки и смотрю на пустые глазницы веранды, а кажется мне все иное.

100 лет — это эпоха, и Карл Ильич олицетворял ее с присущими ей противоречиями, но всегда с неизменным благородством и высоким отношением к музыке, профессии, миру.

3 октября 2007 года, в день 100-летия выдающегося дирижера Карла Ильича Элиасберга открыта мемориальная доска на доме 50 по набережной Фонтанки. За 900 дней блокады Ленинграда состоялось 300 выступлений оркестра Радиокomiteта под управлением Элиасберга не только в эфире. Великим подвигом 9 августа 1942 года было исполнение Седьмой симфонии Дмитрия Шостаковича — ее партитура была доставлена в Ленинград сквозь кольцо блокады на специальном самолете, а для участия в репетициях и концерте были собраны оставшиеся в городе музыканты, включая тех, кто находился в действующей армии...

Выступает Виктор Васильевич Козлов, рядом стоит племянница Карла Ильича — Марианна Георгиевна.